

Роберт Логиков

ТВОЕ СЕРДЦЕ БУДЕТ РАЗБИТО

**Детектив
Капитан Миссури**

18+

АМЛ

Роберт Логиков

**ТВОЕ СЕРДЦЕ БУДЕТ
РАЗБИТО. Детектив Капитан
Миссури. Роберт Логиков**

«Автор»

2026

Логиков Р.

ТВОЕ СЕРДЦЕ БУДЕТ РАЗБИТО. Детектив Капитан Миссури.
Роберт Логиков / Р. Логиков — «Автор», 2026

Известный дирижёр Дэвид Уильямсон убивает свою молодую любовницу — талантливую пианистку Бет Гобертс, которая требовала, чтобы он развёлся. Убийство продумано до мелочей: идеальное алиби, запись на диктофоне, оружие без отпечатков. Но капитан Алекс Миссури — неряха в мятом плаще, с вечно дымящейся трубкой и бесконечными звонками жены — замечает то, что упустил гениальный преступник... Обратный детектив в лучших традициях: читатель с первой страницы знает, кто убийца, но до последней не понимает, как этот рассеянный чудак его вычислит. Уютный, атмосферный, с мягким юмором и обаятельным главным героем.

© Логиков Р., 2026

© Автор, 2026

Роберт Логиков

ТВОЕ СЕРДЦЕ БУДЕТ РАЗБИТО. Детектив Капитан Миссури. Роберт Логиков

«ТВОЕ СЕРДЦЕ БУДЕТ РАЗБИТО»

Детектив о капитане Миссури

Посвящается всем женам, которые звонят в самый неподходящий момент

Пролог

За кулисами концертного зала имени Джона Кеннеди царил тот особенный хаос, который возникает только за полчаса до начала симфонического вечера. Музыканты в черных фраках, словно стая встревоженных грачей, рассаживались по своим местам, настраивая инструменты, — и этот предконцертный гул, состоящий из обрывков гамм, скрипа смычков и кашля сотен глоток, напоминал дыхание огромного живого организма, готовящегося выдохнуть музыку.

Девид Уильямсон стоял перед зеркалом в своей гримерной — просторной комнате с высокими потолками, увешанной афишами минувших триумфов и фотографиями, где он, молодой и дерзкий, пожимал руки президентам и королям. Его фрак сидел на нем с той безупречной естественностью, какую дают только годы привычки и портновское искусство, доставшееся в наследство от отца, который тоже был дирижером и тоже изменял женам.

— Девид, через двадцать минут выход, — раздался в динамике голос ассистента, полный привычной паники.

Уильямсон не ответил. Он смотрел на свое отражение — седеющие виски, волевой подбородок, глаза, которые женщины называли «бездонными», а он сам называл «единственным честным, что во мне осталось». Сегодня эти глаза казались пустыми, как заброшенный колодец.

Он взял со стола диктофон — крошечную черную штучку, способную уместиться на ладони, — и нажал кнопку записи. Голос его был спокоен, даже слишком. Таким голосом читают завещания или признаются в любви, понимая, что ответа не последует.

— Сегодня, 14 октября, в двадцать один пятнадцать, я, Девид Уильямсон, нахожусь в своей гримерной. Я отдыхаю перед концертом. Никто меня не беспокоит. Я буду здесь до самого выхода. Диктую это на случай, если кто-то забудет, где я был.

Он выключил диктофон и улыбнулся — криво, как человек, который только что солгал себе и остался доволен этой ложью.

За стеной, в другом крыле здания, молодая пианистка Бет Гобертс перебирала ноты Моцарта. Ей было двадцать семь, ее пальцы бегали по клавишам рояля с той порхающей легкостью, которая заставляла критиков писать о «божественном прикосновении». У нее были светлые волосы, собранные в небрежный пучок, и глаза цвета осеннего неба — ясные, открытые, еще не знающие той тени, что ложится на лицо женщины, которая слишком долго ждет обещанного кольца.

Телефон завибрировал. СМС от Дэвида: «Приеду через час. Сыграй мне что-нибудь. Моцарта. Того самого, что в Тэнглвуде».

Она улыбнулась, и улыбка ее была такой светлой, что могла осветить весь Вашингтон, погруженный в вечерние сумерки. Она еще не знала, что это будет последняя улыбка в ее жизни.

Глава первая

Капитан Алекс Миссури припарковал свой «Форд» 1978 года выпуска между полицейским крейсером и роскошным «Мерседесом» окружного прокурора, и разница была настолько вопиющей, что один из патрульных, молодой и еще не утративший способности удивляться, вслух поинтересовался, не свалилась ли эта консервная банка с неба. «Форд» цвета выцветшего хаки глухо кашлянул, чихнул и заглох с таким выражением на морде, будто объявлял всему миру, что он здесь единственный, у кого есть характер.

Миссури вылез из машины с грацией пожилого фламинго, поправляя на ходу мятый плащ — в этом плаще, казалось, можно было запекать картошку, стирать пыль и использовать в качестве паруса, — и достал трубку. Вишневый табак. Запах, по которому детективы из отдела убийств узнавали его еще до того, как видели силуэт, и по которому секретарши в участке догадывались, что начальник вернулся, не поднимая глаз от мониторов.

— Капитан, — козырнул сержант Мартинес, коренастый мужчина с усами, которые он отращивал дольше, чем некоторые живут в браке, и с таким же упрямством. — Тело нашла уборщица. Двадцать три ноль-ноль. Женщина, двадцать семь лет. Бет Гобертс, пианистка. Жила здесь, в этой квартире, на шестом этаже. Смерть — удар тяжелым предметом по голове. Рядом — окровавленная пепельница. Завернута в полотенце.

— Пепельница? — переспросил Миссури, раскуривая трубку и выпуская облако вишневого дыма, которое повисло в воздухе, словно знак вопроса. — А кто курит в доме у пианистки? Она сама-то курила?

— Нет, — ответил Мартинес, заглядывая в блокнот. — Подруга сказала, что Бет терпеть не могла табачный дым. Говорила, что он портит голос инструмента.

— Вот видите, — Миссури покивал, словно услышал то, что и ожидал. — Пепельница в доме некурящей женщины. Это как лыжи в пустыне. Или как я в смокинге. Теоретически возможно, но противоестественно.

Он прошел в квартиру, переступая порог с той осторожностью, какую обычно проявляют люди, боящиеся наследить на паркете, но оставляющие следы грязи, потому что чистить ботинки перед входом — это уже слишком сложная операция для одиннадцати часов вечера.

Квартира была светлой, просторной, обставленной с тем вкусом, который бывает либо врожденным, либо очень дорогим. Рояль «Стейнвей» стоял у окна, открыв крышку, словно вздохнув в последний раз вместе со своей хозяйкой. На пюпитре лежали ноты — Моцарт, Соната для фортепиано №11. Некоторые страницы были замяты, будто их переворачивали в спешке, или будто по ним провели влажной тряпкой, стирая отпечатки.

— Мартинес, — сказал Миссури, не оборачиваясь. — Кто нашел тело?

— Уборщица, миссис Элеонора Грейвз. Пришла вечером, как обычно, по вторникам. У нее есть ключи. Открыла дверь, увидела, закричала, вызвала полицию. Время смерти — между восемью и девятью вечера.

— Между восемью и девятью, — повторил Миссури, задумчиво потирая подбородок трубкой. — А что было в это время в городе? Может быть, концерт? Я слышал, сегодня в Кеннеди-центре что-то грандиозное. Моя жена говорила. Она говорила: «Алекс, мы никогда никуда не ходим». А я ей: «Дорогая, у нас есть телевизор, мы можем включить и слушать дома». Она обиделась. Вы не представляете, как женщины обижаются, Мартинес. Это как... как увертюра к опере, только без финала.

Сержант вздохнул. Он уже привык к тому, что капитан сначала говорит о чем угодно, только не о деле, а потом вдруг вытаскивает из кармана такую деталь, которая переворачивает все расследование вверх дном.

— Да, капитан. Концерт Вашингтонского симфонического оркестра. Дирижировал Дэвид Уильямсон. Программа — Брамс, Чайковский, на бис — Моцарт.

Миссури замер. Трубка застыла в его руке на полпути ко рту. Его серые глаза — глаза человека, который видел слишком много мертвых тел, чтобы удивляться, но сохранил способность замечать мелочи, — скользнули к нотам на пюпитре.

— Моцарт, — сказал он медленно, смакуя слово, будто пробуя редкое вино. — Она играла Моцарта перед смертью. Или кто-то попросил ее сыграть Моцарта. А потом ударил пепельницей.

Он подошел к роялю, провел пальцем по крышке — палец остался чистым. И это было странно, потому что в квартире, где только что произошло убийство, пыль обычно оседает на всем, кроме мест, которые трогали.

— Мартинес, а где муж?

— Убитой не было мужа. Была... была связь. С женатым мужчиной. Подруга сказала, что Бет встречалась с кем-то из высшего общества. Кто именно — не знает, но обещала подумать.

— Из высшего общества, — Миссури кивнул, выбивая пепел в подвернувшуюся пепельницу, а потом спохватился, что пепельница, возможно, улика, и поспешно стряхнул пепел в карман. — Это хорошо. Это очень хорошо. Люди из высшего общества, Мартинес, они все время оставляют следы. Не такие, как мы с вами. Не пальцы на дверных ручках. Другие. Следы лжи.

Он подошел к окну, посмотрел на огни Вашингтона, рассыпанные внизу, как бриллианты на черном бархате, и вдруг спросил — без перехода, как человек, который вспомнил что-то важное, но делает вид, что это пустяк:

— А где сейчас Девид Уильямсон?

— У себя дома, я полагаю. Концерт закончился в десять. Он уехал сразу после финала.

— Позвоните ему, — Миссури снова раскурил трубку, выпустил облако дыма, и в этом облаке его лицо — морщинистое, с вечными мешками под глазами — показалось Мартинесу лицом человека, который уже знает ответ, но хочет услышать его от кого-то другого. — Скажите, что капитан Миссури хотел бы побеседовать с ним завтра утром. В участке. Или у него дома. Мне все равно. Моей жене все равно, главное, чтобы я купил молоко по дороге. Вы купили молоко, Мартинес?

— Что? Нет, капитан.

— И я нет. Вот она меня убьет. Как того, кто ударил Бет Гобертс пепельницей. Только моя жена сделает это с большим чувством.

Глава вторая

Утром следующего дня, ровно в восемь тридцать, Девид Уильямсон переступил порог полицейского участка с таким видом, будто совершал невынужденный визит к дантисту. Его фрак сменился безупречным серым костюмом, галстук был завязан тем морским узлом, который выдают только личные камердинеры, а лацканы блейзера, казалось, улыбались независимой улыбкой людей, привыкших к деньгам и власти.

Капитан Миссури встретил его в коридоре — с трубкой во рту, с кружкой кофе, которая явно предназначалась не для гостя, и с таким выражением лица, будто он только что проиграл в шахматы собственной жене.

— Мистер Уильямсон! — воскликнул он, протягивая руку, и рука его была теплой, чуть влажной и очень искренней. — Спасибо, что пришли. Или приехали. Извините за бардак, у нас тут ремонт, то есть не ремонт, а просто уборщица заболела, а новая не может найти ключи от шкафа, где тряпки лежат. Вы же знаете, как бывает. Садитесь, пожалуйста. У меня стул скрипит, но это ничего, это он от старости, как и я.

Уильямсон сел, аккуратно положив портфель на колени, и оглядел кабинет с тем легким, едва заметным отвращением, которое испытывают люди, привыкшие к мрамору и хрому, ока-

завшись в мире картона и скотча. На стенах висели фотографии места преступлений вперемешку с детскими рисунками, на столе стояла кружка с надписью «Лучший папа», а под столом валялся один ботинок, чья пара, судя по всему, отправилась в самостоятельное плавание еще неделю назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.